

Культурная дипломатия: сотрудничество в построении «Нового мирового порядка»

Николай Андреевич Медушевский^{1, 2}

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Lucky5659@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0475-6713>

Аннотация

Введение. Представленная статья посвящена проблеме трансформации глобального мирового порядка и ориентирует читателя на «консервативный поворот» в системе международных отношений. В статье автор констатирует нарастающий кризис американоцентричной модели глобализации, который стимулирует оппонентов однополярной модели мирового порядка к сотрудничеству, выстраиваемому на принципах полицентризма. В основе данной альтернативной модели глобального диалога лежат принципы и ценности консерватизма, артикулированные лидерами стран БРИКС+. Консервативные ценности, в числе которых патриотизм, духовность, историческая память, культурное наследие и другие, становятся скрепами национальных идеологических систем и выступают фундаментом для международного консервативного дискурса, формируемого инструментарием культурной дипломатии.

Цель работы заключается в представлении концептуальной системы нового мирового порядка, прежде всего, в системе идеологических принципов консерватизма и обозначении роли культурной дипломатии, как комплексного инструментария укрепления связей между сторонниками изменения глобальной политической модели.

Теоретические основы исследования представлены деконструктивистским подходом, позволившим наиболее полно отразить борьбу взглядов сторонников однополярного и многополярного мирового порядка, а также диалог внутри «консервативного лагеря» который характеризуется непрерывающимся поиском адаптированных решений и переосмыслением идеологических принципов. Вопрос изучения практик культурной дипломатии связан с применением в работе инструменталистского, и отчасти институционального подхода, так как культура представляется в виде инструмента идеологического воздействия через дипломатические практики. Комбинация заявленных подходов призвана отразить процесс трансформации сотрудничества между сторонниками нового мирового порядка, протекающий одновременно в идеологическом и институциональном измерениях.

Результаты. Автор выявил тенденцию к подъему консерватизма в различных странах, и его трансформацию в идеологическую, что в свою очередь, ведет к формированию единого международного пространства консервативного дискурса. Дискурс представлен различными типами сотрудничества, постепенно интегрируемыми в единую систему, которая находит наиболее четкое отражение в практиках сотрудничества стран БРИКС+. При этом, для системы диалога сторон характерна «сущностная ориентация» или ориентация на учет национальной специфики, которая открывает путь к национальному плюрализму без абсолютного доминирования отдельного государства-гегемона. В основе данной коммуникативно-институциональной модели лежат практики культурной дипломатии, которая ориентирована на популяризацию национальных культур и ведет к созданию новых «ветвей партнерского диалога сторон» по широкой номенклатуре гуманитарных вопросов.

Выводы. Несмотря на интенсивное развитие практик культурной дипломатии между странами БРИКС+ и ряда стран, не входящих в объединение, сотрудничество до сих пор не приобрело системного характера и представлено в основном формами двухсторонних отношений развивающимися параллельно с базовыми проектами организации, что позволяет автору сделать вывод об индуктивном характере институциональной интеграции сотрудничества стран БРИКС+, проходящей в системе идеологических установок.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания FSSF-2026-0009 «Философия и религия: перекрестки культур и политики» (№ госзадания 1025031100105 - 3 -5.6.1.; 6.3.1).

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, неолиберализм, культурная дипломатия, мягкая сила, БРИКС, Новый мировой порядок, однополярный мир, идеология, наследие, ценности

Для цитирования: Медушевский Н. А. Культурная дипломатия: сотрудничество в построении «Нового мирового порядка» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 3. С. 141–155. EDN FEQEZE

Original article

Cultural diplomacy: dimension of cooperation in building the "New world order"

Nikolay A. Medushevsky^{1, 2}

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Lucky5659@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0475-6713>

Abstract

Introduction. This article addresses the problem of the transformation of the global order and orients the reader toward a "conservative turn" in the system of international relations. In the article, the author notes the growing crisis of the American-centric model of globalization, which is spurring opponents of the unipolar world order toward cooperation built on the principles of polycentrism. This alternative model of global dialogue is based on the principles and values of conservatism articulated by the leaders of the BRICS+ countries. Conservative values, including patriotism, spirituality, historical memory, cultural heritage, and others, become the glue that binds national ideological systems and serves as the foundation for international conservative discourse, shaped by the tools of cultural diplomacy. In this context, the purpose of this work is to present a conceptual framework for a new world order, primarily within the framework of the ideological principles of conservatism, and to outline the role of cultural diplomacy as a comprehensive tool for strengthening ties between proponents of change in the global political model.

Theoretical framework. The theoretical framework of the study is presented using a deconstructivist approach, which allows for a more comprehensive reflection of the competing views of proponents of a unipolar and multipolar world order, as well as the dialogue within the "conservative camp," characterized by a constant search for adapted solutions and a rethinking of ideological principles. The study of cultural diplomacy practices is linked to the application of an instrumentalist and, to some extent, an institutional approach, as culture is presented as an instrument of ideological influence through diplomatic practices. The combination of these approaches aims to reflect the process of transforming cooperation between proponents of a new world order, occurring simultaneously in the ideological and institutional dimensions.

Results. Among the results of the study, it is worth highlighting the author's identified trend toward the rise of conservatism in various countries and its transformation into an ideological one, which in turn leads to the formation of a unified international space of conservative discourse. This discourse is represented by various types of cooperation, gradually integrating into a single system, which is most clearly reflected in the cooperation practices of the BRICS+ countries. Moreover, the system of dialogue between the parties is characterized by an "essential orientation" or focus on taking into

account national specificities, which paves the way for national pluralism without the absolute dominance of a single hegemonic state. This communicative-institutional model is based on the practices of cultural diplomacy, which is focused on the popularization of national cultures and leads to the creation of new “branches of partnership dialogue” across a wide range of humanitarian issues.

Conclusions. Despite the intensive development of cultural diplomacy practices between the BRICS+ countries and a number of countries outside the group, cooperation has not yet acquired a systemic character and is represented primarily by forms of bilateral relations developing in parallel with the organization’s core projects. This allows the author to conclude that the institutional integration of BRICS+ cooperation is inductive in nature, taking place within a system of ideological guidelines.

Financial support: The article was prepared as part of the implementation of the state task FSSF-2026-0009 “Philosophy and Religion: crossroads of cultures and politics” (State task № 1025031100105 - 3 -5.6.1.; 6.3.1).

Keywords: conservatism, liberalism, neoliberalism, cultural diplomacy, soft power, BRICS, New World Order, unipolar world, ideology, heritage, values

For citation: Medushevsky N. A. Cultural diplomacy: dimension of cooperation in building the “New world order”. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2026;(3):141–155. (In Russ.). EDN FEQEZE

Введение

«Новый мировой порядок» - это термин, который уже неоднократно использовался политологами для обозначения радикальной смены парадигмы функционирования глобальной системы международных отношений. О создании «Нового мирового порядка» говорили при создании Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем, к нему апеллировали в рамках переговоров США и СССР в 1980 гг. и после распада Советского Союза, о нем вспоминали и в период вторжения США в Ирак в 2003 г [1]. На каждом обозначенном рубеже формировалась новая модель глобального распределения политического влияния тех или иных держав, но при этом процесс развивался по пути консолидации глобальной власти от доминирования в глобальной политике Великобритании, Франции и США до 1941 г., через развитие двухполюсной модели, выраженной в противостоянии СССР и США до 1991 г., к созданию однополярной мир-системы с единственным гегемоном в лице Соединенных Штатов. В определенном смысле, для данного процесса был характерен градуализм, принцип которого представлен в книге В. Мартела «Grand strategy in theory and practice: the need for an effective American foreign policy» [2], где автор представляет преемственность «традиции американской большой стратегии», делая акценты на ее активной консолидации в XX в. и выделяя три ее постоянных принципа, в числе которых: восстановление (укрепление) внутренних основ власти; использование американского лидерства для сдерживания источников нестабильности; создание альянсов и партнерств для противодействия наиболее серьезным угрозам глобальной стабильности;

Все три принципа, по мнению В. Мартела, должны находиться в балансе, однако изменение международной ситуации требует, по его мнению, обновления баланса за счет более гибкого подхода к реализации второго и третьего принципов.

Тем не менее, уже в XXI в., баланс «американской большой стратегии», распространявшейся на весь блок НАТО и страны союзники оказался нарушен, а модель западного доминирования столкнулась с кризисом, отражением которого стал идеологический раскол между сторонниками неолиберального и консервативного курсов. Кризис выражен в концепции трампизма, ориентированного на возвращение мира к американоцентричной ориентации через национальную мобилизацию и применение силы как на национальном, так и на международном уровнях [3].

Американская гегемония в мире, достигаемая через применение силы, не устраивает уже набравшие политический и экономический вес, другие центры влияния, в числе которых Россия, Китай, Индия, Иран, ЮАР, Бразилия и т.д. Их усиление напрямую противоречит идее глобального доминирования США, и в условиях глобального кризиса, находит выражение в целом ряде экономических и военных конфликтов, включая торговую войну США и КНР, украинский и сирийский конфликты, войну с Ираном, тайваньский вопрос и др. Все эти и многие иные столкновения складываются в единый фронт противостояния, побуждающий оппозиционные США государства углублять диалог друг с другом, двигаясь по пути формирования консолидированного подхода и коалиции, выступающей за принципиальный пересмотр международного порядка [4].

Их альтернативным решением становится принцип полицентризма и отказ от принципа геополитического доминирования в пользу широкого диалога без выраженной идеологической детерминанты [5].

Тем не менее, необходимость формирования «коалиции за многополярный мир» и перспективное существование уже в полицентрической мир-системе, требует устойчивого диалога и консенсуса, которые невозможны без глубокого и структурного понимания ценностей и ориентиров развития друг друга, что актуализирует вопрос о подходе к выстраиванию многостороннего сбалансированного диалога еще до установления формальных институциональных рамок. Вопрос касается духа сотрудничества в рамках формирующегося нового многополярного мирового порядка, и формата дипломатического взаимодействия сторон.

Проблемой исследования, в данной связи, становится вопрос о том, на какой стадии интеграции находится процесс формирования устойчивой системы сотрудничества нового полицентрического порядка, и можно ли рассматривать практики культурной дипломатии как ее основу и выражение «духа сотрудничества», способного в перспективе трансформироваться в гибкие идейно-политические принципы, позволяющие удерживать единство полицентрического многообразия.

Теоретические основы

Изучение процессов трансформации мирового порядка представляет методологическую сложность. Традиционный подход с позиций неореализма и институционализма не могут полностью отразить происходящую трансформацию, в которой ни идеологии, ни институциональные модели не являются абсолютными детерминантами. Ведущие государства мира вступили на путь поиска и эксперимента, результатом которых должно стать формирование новой системы отношений, однако ее образ в национальных трактовках отличается, и результат напрямую будет зависеть от конечного баланса сил, обретенного по итогам глобальной трансформации. В условиях обозначенной нестабильности, глобальные игроки стремятся сконструировать новую реальность, представив свои варианты интерпретации глобального порядка как результат конструирования, обобщающий множество культурных, идеологических, экономических и политических паттернов. Тем не менее, многообразие в международном политическом дискурсе конкурирующих идей не позволяет опереться и на конструктивистскую парадигму, уже предполагающую достаточно глубокую концептуализацию виденья будущего. В итоге, на наш взгляд, наиболее релевантным подходом, отражающим борьбу взглядов, постоянный поиск адаптированных решений и переосмысление идеологических принципов, становится деконструктивизм в его интерпретации Жаком Дерридой.

Деррида в работе «О грамматологии» [6] и в рассуждениях о глобализации [7] писал о возможности анализа контента через выявление т.н. «апорий», представляющих собой завуалированные неразрешимые противоречия, которые являются «слабыми местами» логики. Через них исследователь способен, как вирус, проникнуть в содержание контента (текста у Дерриды) и понять существующую в нем иерархию смыслов, чему способствует внимание

к этимологии и значениям слов, а также метафорам и иным смысловым конструктам. Именно такой подход позволяет сегодня относительно четко установить, чем, к примеру, является консерватизм, неоконсерватизм, трампизм, неолиберализм, или более широко – культура как инструмент идеологического воздействия через дипломатические практики. В конечном итоге, подход способен частично объяснить и образ желаемого нового мирового порядка.

Несмотря на выбор методологического аппарата из области философии-культуры, автор, в своем изучении опирается на комплекс исследований, представляющие трансформацию системы международных отношений преимущественно с позиции неореализма. В данном контексте следует выделить работы таких российских авторов, как А.Л. Гринин [8], А.В. Коротаев [9], М.А. Майорова [10], А. Шушенцова [11], а также работы иностранных авторов, в т.ч. Дж. Ная [12], В. Оверолта [13], М. Зарифа [14], М. Звиерса [15] и др.

«Консервативный поворот» как основа нового мирового порядка

Говоря об альтернативных США и ЕС центрах политического международного влияния, нельзя однозначно заявлять об общности их идеологий и моделей развития. Каждая из стран является региональной державой, претендующей на глобальное влияние, и в своем политическом развитии отражает определенные культурно-исторические паттерны. В Китае сохраняет свою доминирующую роль социалистическая идеология, все больше комбинируемая с конфуцианскими ценностями [16], в Иране действует «исламская демократия» [27], в России на официальном уровне продвигается система «духовных скреп» [18], в Турции сохраняют свою актуальность идеи неоосманизма и пантюркизма [4], а в африканском политическом дискурсе циркулируют идеи панафриканизма и деколонизации [19]. Даже Индия, представляемая западными авторами как крупнейшая в мире либеральная демократия, активно продвигает социальные ценности, восходящие к индуизму и социально-политической философии М. Ганди и Д. Неру [20].

В итоге можно констатировать, что в каждой из обозначенных стран-лидеров мирового порядка, в их идеологических системах, существует историческая ориентация консервативной направленности, призванная адаптировать фундаментальные ценности прошлого к современным реалиям для мобилизации нации вокруг именно национальной идентичности, противопоставляемой глобальному универсализму либеральных ценностей, призванному стереть национальные различия.

Отчасти тенденцию к интеграции (формализации) национальной идентичности можно распространить и на США, где лозунг *MAGA* подчеркивает и абсолютизирует именно интересы американской нации, которые Д. Трамп противопоставляет даже собственным историческим союзникам (например, спор из-за Гренландии или таможенные тарифы для ЕС и Великобритании) и развивает сотрудничество с отдельными консервативными силами в Европе (показательна поддержка правительства В. Орбана) [15].

Представленная ориентация стран-лидеров мирового порядка, на наш взгляд, стала ответом на кризис либеральной идеологической парадигмы, выраженной не только в ее трансформации в сторону неолиберализма, но и в критическом снижении эффективности международных институтов, и прежде всего ООН, не способных сегодня преодолевать конфликты и выполнять роль «беспристрастного агента» и медиатора в решении обостряющихся противоречий [21].

Консервативный поворот в нашей интерпретации - это не просто приход к власти консервативной части национальных элит, как ответ на низкую эффективность их либеральных предшественников, что отражало бы динамику электоральных циклов. Скорее, его следует представить, как «консерватизацию» национальных элит целиком, сопровождающийся утверждением консервативных взглядов в общественной повестке [8].

Консерватизм находит свое отражение в росте политического влияния национальной истории, религии, культуры, которые становятся приоритетными инструментами социальной

мобилизации через образование, массовую культуру и пропаганду [22]. Именно через их призму начинают трактоваться все социальные ценности, включая права человека, свободу, справедливость, идентичность, и в конечном итоге, право.

Следует отметить, что при доминировании общего тренда на консерватизм и «консервативного поворота» во многих странах, каждая его национальная интерпретация имеет собственную систему ценностей и представлений о «правильном порядке», так как апеллирует к уникальной национальной специфике [23]. Тем не менее, мы говорим о глобальной общности явления, выраженной в его причинах, динамике и результатах.

Общность причин сводится к следующим положениям. В первую очередь, следует отметить социальный стресс, связанный с высокой интенсивностью технологического развития и глубокой трансформацией социальной среды во всех ее измерениях, что характерно как для развитых, так и для развивающихся обществ. Сложность адаптации к меняющимся условиям, экономическое расслоение общества, индивидуальные стрессы повышают конфликтность, снижают ценность индивидуальных прав и свобод и актуализируют общественный запрос на восстановление стабильности и установление неизменных жизненных ориентиров в их традиционной или квазитрадиционной интерпретации. Данные ориентиры призваны снизить тревожность общества и преодолеть состояние неопределенности будущего.

Во-вторых, отметим кризис либеральной идеологии, ориентированной на индивидуализм. Либеральная идеология в ее неолиберальном измерении фактически перестала ориентироваться на общество и сделала ставку на малые группы, что привело к социальной фрагментации, усиленной процессами миграции и урбанизации. В политической повестке стали доминировать вопросы преодоления безработицы и активизации традиционно консервативных социальных групп, что особенно заметно в развивающихся странах. Данные группы, подвергаясь «социальной ассимиляции», привнесли в общую систему идей и ценностей выраженный традиционный элемент, который также потребовал интеграции в единое культурное пространство, вступив в конфликт с либеральными установками.

В-третьих, причиной консервативного поворота стало желание национальных государств преодолеть статику международного порядка, до недавнего времени, характеризовавшегося представлениями о месте страны на международной арене. Речь идет не только о закрытости совета безопасности ООН, но и об организациях и блоках, узурпировавших роль «мировых администраторов», например, НАТО и G7, и продвигающих собственную идеолого-политическую платформу, отводящую большинству развивающихся стран роль объектов политического, а иногда и физического воздействия [24].

В итоге, консервативный поворот как глобальное явление оказался неизбежен (стал следствием «апорий» развития неолиберальной идеологии) и затронул не только страны периферии западнцентричной системы глобальной организации, но и самих организаторов этой системы, не способных иным образом справиться с кризисом либеральной идеологии [25].

Распространение консерватизма и повышение его политического статуса поставило вопрос о формировании на его основе комплексной консервативной идеологии (интегрированной идеологической системы), однако консерватизм никогда не являлся универсальной идеологией и всегда представлял как идейная модель существования отдельной страны с опорой на ее прошлое. Расширение пространства консерватизма потребовало выявления его универсальных принципов, отражающих интересы широкой коалиции государств и обществ. В данном контексте уместно вспомнить о китайской концепции «единой судьбы человечества», которая, вероятно, стала одним из первых шагов на данном пути [26].

Сегодня пространство идеологических паттернов постепенно обретает более четкие очертания, чему в немалой степени способствует дискуссия на уровне БРИКС+ и на площадках ряда других объединений и саммитов, где речь идет о группе универсальных консервативных

ценностей. Последние включают принципы суверенности государства, приоритета государства и нации над меньшинством (в т.ч. этническим) и индивидом, преемственности духовных ценностей, равенства цивилизаций и национальных культур, роли религиозных организаций, семьи и школы в воспитании гражданина и структурировании общества, а также умеренности (осмотрительности) в проведении национальной, и особенно, внешней политики, где основой являются принципы баланса и диалога [23].

Индикаторами утверждения данных принципов в национальной политике становятся политические решения, направленные на защиту семьи и детства, поддержку религиозных и культурно-образовательных организаций, формирование универсальной национальной образовательной и языковой политики, развитие патриотизма, ужесточение миграционной политики, а также борьба с неолиберальными ценностями в культуре и социальной организации [27].

Характерно, что данные решения находят поддержку в обществе, которое видит в этих преобразованиях укрепление стабильности и расширение пространства безопасности.

Культурная дипломатия как инструмент формирования нового мирового порядка

Подъем консерватизма в различных странах, и его трансформация в идеологическую систему постепенно формируют единое международное пространство консервативного дискурса, чему в немалой степени способствуют международные саммиты, политические консультации, деятельность международных СМИ, происходящих из стран с доминирующей консервативной повесткой (Россию в данном случае представляют «Russia Today» и «Sputnik»), а также широкий социальный диалог, представленный развитием экономических отношений, образовательными программами, культурными проектами и туризмом.

Все перечисленные типы сотрудничества постепенно обретают контур единой системы с общими задачами комплексного развития диалога и интеграции, при сохранении национальной специфики. Более того, национальная специфика предстает в интегрированном виде (идеологический образ), формируя образ контрагента и устойчивую модель взаимодействия именно с ним, на основе его культурной специфики. Таким образом, пространство коммуникации представляется уже не как система сотрудничающих обезличенных акторов, а как система взаимодействия «сущностей», в которой сущностные характеристики определяют модель взаимодействия, и от того, насколько контрагент понимает культурную специфику оппонента, напрямую зависит качество и результативность сотрудничества.

«Сущностная ориентация» диалога стран-участниц «консервативной коалиции» в рамках формируемого многополярного порядка открывает путь к национальному плюрализму без абсолютного доминирования отдельного государства-гегемона, о чем, например, пишут Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин и А.В. Коротаев [9].

Тем не менее, задача установления реального плюралистического порядка в международных отношениях остается крайне сложной, так как любой властный субъект стремиться к абсолютизации своей власти, и соответственно требуется создание своеобразного «предохранителя», который смог бы препятствовать новому витку поляризации глобального порядка. Создание данного предохранительного механизма может быть реализовано лишь на институциональном уровне и это вопрос отдаленного будущего, как и установление самого нового международного порядка, который Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин и А.В. Коротаев относят к 2040-2050 гг. [9].

Тем не менее, уже сегодня остро стоит вопрос о сохранении между новыми центрами глобального влияния духа сотрудничества и преодолении их исторической конфронтации (например, между Индией и Китаем). Решение данной проблемы в значительной степени связано с развитием практик культурной дипломатии и координацией широкого разнообразия представляющих ее проектов.

Культурная дипломатия не является новым инструментом международных отношений и представляет собой одно из направлений классической дипломатии, выделенное в самостоятельную категорию в 1960-ые гг.¹ Акцент данного вида дипломатической деятельности ориентирован на все виды культурного обмена между государствами, представляющими свой образ и потенциал в измерении национальной культуры. Объектом воздействия такого влияния становится общество государства-контрагента, которое стимулируют к восприятию определенных культурных паттернов и стереотипов, объединяемых в индивидуальном и коллективном сознании реципиентов в относительно устойчивый образ страны-партнера [28].

Описанный механизм делает культурную дипломатию схожей с мягкой силой, хотя и не тождественной ей, т.к. кроме популяризации культуры и формирования имиджа отдельного государства и общества, культурная дипломатия также предполагает работу по защите, сохранению и восстановлению объектов культурного наследия (материального и нематериального), и созданию новых «ветвей партнерского диалога сторон» что делает данный инструмент по-настоящему плюральным и демократичным, а также создает возможности для участия малых стран и отдельных этнических групп. Кроме того, отличие от мягкой силы заключается и в артикуляции целей сотрудничества, предполагающих достижение конкретного измеримого результата.

В то же время, культурная дипломатия имеет и манипулятивный аспект, что в своей работе посвященной Советскому Союзу, отмечал Фредерик Баргхорн [29]. Сегодня данный аспект культурной дипломатии представляется не менее важным, чем в 1960-ом г., когда была написана его работа. Мы видим примеры формирующего влияния культурной дипломатии в СМИ, кинематографе, живописи и других видах искусства, так как многие популяризируемые культурные паттерны, в рамках их открытия миру, идеологизируются и передают не только образ, но и «код» его расшифровки, т.е. закладывают модель интерпретации реципиентом данного объекта.

Таким образом, пространство культурной дипломатии также является пространством политики, реализуемой через трансляцию идеологических смыслов и позитивных образов того или иного государства и общества при сохранении каналов обратной связи «реципиент-донор» и возможности учета результатов политики, чаще всего, в виде количества людей, приобщенных к определенной культурной повестке. Параллельно с этим, и в этом позитивное значение культурной дипломатии как инструмента, трансляция образов превращается в «инструмент посредничества»², особенно когда речь идет о едином коммуникативном (в нашем случае консервативном) пространстве.

Отдельным направлением культурной дипломатии безусловно является история и историко-культурное наследие. Хотя каждая культура базируется на собственной истории, истории отдельных народов в процессе глобального взаимодействия неоднократно пересекались, и одни и те же события получали вариативные трактовки в национальных хрониках. Подобные «перекрестки истории» обладают не только культурной значимостью, но и мощным политическим потенциалом, так как в зависимости от встречной интерпретации в национальных культурно-исторических традициях, могут способствовать как сближению, так и отдалению стран [30].

Многообразие практик культурной дипломатии и потенциал ее перспективной институционализации требуют краткого обзора тематических акцентов данной практики.

¹ Aitken L. Seven myths about cultural diplomacy. DipNote: Education and Culture. Bureau of Educational and Cultural Affairs. 27.02.2017. URL: <https://2017-2021.state.gov/seven-myths-about-cultural-diplomacy/> (Дата обращения 01.04.2026).

² Rutelli F. E la diplomazia culturale, il soft power per il rilancio dell'Italia. Key4biz. 02.06.2018. URL: <https://www.key4biz.it/ilprincipenudo-francesco-rutelli-e-la-diplomazia-culturale-il-soft-power-per-il-rilancio-dellitalia/224857/> (Дата обращения 01.04.2026).

Так, на уровне БРИКС+ уже есть ряд проектов кросс культурного диалога, в числе которых, фестивали (например, Кинофестиваль БРИКС, Международный фестиваль театральных школ стран БРИКС, Фестивали народной культуры, танцевальные и музыкальные мероприятия), образовательные проекты (например, Сетевой университет БРИКС), институционализированные сообщества (например, Альянс музеев БРИКС, Альянс библиотек БРИКС, Лига университетов БРИКС, муниципальный форум БРИКС), спортивные проекты (флагманский проект Спортивные игры БРИКС), медиа платформы (Информационно-культурный медиациентр БРИКС+) [31], молодежные мероприятия (например, Молодежный саммит «десятки»), и что особенно важно в рамках нашего исследования, - Форум БРИКС «Традиционные ценности», значение которого можно представить как идеологическое (так, например, по итогам II Форума была подписана декларация о создании Союза писателей БРИКС (BRICS Literature Network)¹.

В тоже время, несмотря на развитие универсальных проектов на уровне БРИКС+, приоритетное влияние все же имеют национальные проекты, транслируемые как на членов объединения, так и за его пределы. В качестве наиболее эффективных практик стоит выделить деятельность китайского проекта Институт Конфуция, который имеет около 512 отделений по всему миру², российского Института Пушкина, проекта в области культуры – «Русские сезоны», или, например, деятельность Россотрудничества по проекту «Русский Дом». Аналогичные по своему значению проекты продвигают также и другие страны члены, а их общей задачей становится ориентация пространства диалога в рамках БРИКС+ и на уровне мира в целом, на восприятие и диалог именно с конкретным государством, для укрепления его позиции в формирующейся системе международной культурной дипломатии.

Таким образом становится очевидно, что практика координации деятельности стран членов БРИКС, и тем более стран, не входящих в объединение, хотя и интенсивно развивается, но остается фрагментированной и пока не обладает характеристиками единой системы.

В тоже время, развитие культурной дипломатии между глобальными лидерами, выступающими за формирование нового мирового порядка, ведет к сближению их позиций и формирует новый взгляд на общее прошлое и будущее [32], и здесь, принципиальное значение приобретает диалог о культурно-историческом наследии, так как именно с опорой на мировую историю становится возможно говорить о формировании в перспективе условной общей ценностной рамки, в которой каждая культура и каждое общество смогут участвовать в глобальном диалоге, не рискуя при этом утратить часть своей культурной специфики [30].

Заключение

От культурной дипломатии к институционализации сотрудничества в построении нового мирового порядка

Важным элементом развития практик культурной дипломатии и их систематизации, выступают институты, которые можно представить, как формализованные организационные рамки определенных типов сотрудничества. Институционализация сотрудничества важна не только как средство для реализации конкретных проектов, но и как основа нового, сетевого типа международного сотрудничества.

Мы говорим именно о сетевом сотрудничестве, так как на сегодняшний день процесс движения к новому международному порядку практически не институционализирован, и даже БРИКС+, который позиционируется как двигатель процесса глобальной трансформации, не является политической организацией или союзом, а скорее может рассматриваться как «клуб

¹ На форуме в Бразилии учредили Союз писателей БРИКС. TV BRICS, 18.09.25. URL: <https://tvbrics.com/news/na-forume-v-brazilii-uchredili-soyuz-pisateley-briks/?ysclid=ml0qtfk3kl272513777> (Дата обращения 01.04.2026).

² Заклязьминская Е. Деятельность Институтов Конфуция в России. ICCARAS. 11.03.2026. URL: <https://analytics.iccaras.ru/analytics/lnoztpiu51-deyatelnost-institutov-konfutsiya-v-ross> (Дата обращения 01.04.2026).

развивающихся государств», обсуждающих перспективы совместных действий и общие цели. Вместо единой институциональной платформы мы наблюдаем заключение многих соглашений о стратегическом партнерстве между отдельными странами, например, Россией и КНР, и ежегодное увеличение принимаемых в рамках БРИКС деклараций (1 в 2023, 26 в 2024, 81 в 2025), каждая из которых находит свое отражение в двухсторонних соглашениях по профильному кругу вопросов [31].

Если взять в качестве примера сотрудничество в сфере образования между Россией и Ираном, то в 2023 г., когда ИРИ была принята в БРИКС+, университеты двух стран подписали 82 соглашения, а в 2024 г. еще 34, доведя их общее количество до 244. Соглашения затронули практически все направления развития образования, и в частном порядке урегулировали вопросы разработки и запуска совместных образовательных программ, проведения двухсторонних научных исследований, академического обмена, содействия изучению национальных языков и культуры, проживания студентов и преподавателей, организации совместных форумов, публикаций и т.д.¹

Аналогичные соглашения каждая из стран БРИКС+ заключала с другими партнерами, формируя модель сетевого взаимодействия, и при этом оставаясь «узловым центром» сотрудничества, не делегируя часть своего суверенитета на наднациональный организационный уровень.

Формируемая институциональная модель обладает высоким адаптивным потенциалом и не теряет свой функциональности даже при блокировке одного или нескольких участников, как это произошло, например, с Ираном после начала американо-израильской агрессии. В определенном смысле она напоминает интернет-систему со множеством национальных доменов, каждый из которых имеет свой адрес, но не ставит ограничений для перехода пользователей на другие.

Тем не менее, как и в случае с интернет доменами, система уязвима перед угрозой комплексного внутреннего раскола, при котором часть участников может ввести комплексные ограничения для остальных, ограничив им доступ к сотрудничеству и использованию инструментов (финансовых, технологических, образовательных) национального происхождения. Здесь косвенно применим пример Ирана, закрывшего Ормузский пролив для прохода судов, идущих, в т.ч. к его партнерам, что породило энергодефицит в Индии и Китае.

Таким образом, отвечая на поставленный в начале статьи исследовательский вопрос о том, на какой стадии интеграции находится процесс формирования устойчивой системы сотрудничества нового полицентрического порядка, следует обозначить данную стадию, как «период масштабирования сотрудничества». Отметим, что, как показало наше исследование, на сегодняшний день уже фактически определена «ценностная палитра» международного диалога по формированию нового мирового порядка, т.е. вопрос о духе сотрудничества как диалоге культур и исторических ценностей нашел свое подтверждение не только в заявлениях лидеров стран БРИКС+ и принятых декларациях, но и в широком информационном дискурсе, отраженном в СМИ, научной литературе и сотрудничестве по вопросам культуры, науки и образования. «Масштабирование сотрудничества», в данном контексте, представляет собой постоянное расширение пространства многостороннего сотрудничества через заключение каждым из участников все новых двухсторонних договоров с контрагентами по разнообразным вопросам культурного взаимодействия. Подобное сотрудничество снимает барьеры взаимодействия, не нарушая при этом базовую для консерватизма идею национального суверенитета и идентичности, которые определяют сохранение и укрепление политической субъектности каждого из контрагентов. При этом, «период масштабирования сотрудничества» не ограничен во времени, однако сам

¹ Гатиятов А. Россия и Иран наметили новые этапы развития научно-образовательного сотрудничества. Минобрнауки. 23.07.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/86025/> (Дата обращения 01.04.2026)

паритетный диалог крайне уязвим для фундаментальных политических вызовов, что особенно актуально в контексте конфронтации сторонников «нового мирового порядка» с западной коалицией государств. Угрозы со стороны США и НАТО требуют не диалога и паритета развивающихся государств друг с другом, а интеграции их потенциалов и устойчивых союзнических отношений, которые можно было бы противопоставить санкционному или военному давлению, примером чего является интеграция Союзного государства России и Белоруссии или договоры о стратегическом партнерстве России с КНР и Ираном.

Тем не менее, сегодня, пространство консерватизма представляется гораздо менее интегрированным, чем пространство либеральной идеологии. Оно не стремится к универсализму и содержит большее количество «апорий», каждая из которых может при определенных условиях стать точкой разлома консервативного консенсуса, как например, радикализация религиозной повестки или актуализация исторического противоречия в рамках политики памяти, спор по поводу культурного наследия и т.п.

Данный вызов утверждает необходимость в продолжении институционализации системы нового мирового порядка через развитие практик культурной дипломатии, и вероятно, в ближайшее десятилетие приведет к созданию наднационального оперативного органа, регулирующего политику сообщества по принципиальным вопросам [9].

Как следствие поступательной институционализации и развития диалога, механизмы культурной дипломатии, безусловно сохраняют свою актуальность, и более того, будут множиться по мере включения в процесс сотрудничества новых участников, что наглядно продемонстрировал пример Индонезии, присоединившейся к БРИКС+ 6 января 2025 г.¹, и расширения спектра сотрудничества на новые сферы взаимодействия (например, технологические).

Не менее важными становятся и примеры культурной дипломатии, которую Россия, Китай и ряд других государств БРИКС, реализуют в отношении стран, неразрывно связанных с западной моделью мирового порядка, но имеющих негласный статус «колеблющихся», и в их числе следует выделить Турцию, Венгрию, Словакию, Сербию и др.

Таким образом, институциональная интеграция модели нового мирового порядка, равно как и концептуализация консервативного дискурса (преодоление апорий консервативной идеологии) оказываются фактически неизбежными, но при этом, в данном процессе отчетливо прослеживается принцип индукции, в соответствии с которым множество частных решений постепенно складываются в единую систему международного сотрудничества, а факторы внешнего давления способствуют процессу ее институционализации и формализации ценностной модели, что особенно актуально в контексте нарастания глобального политического кризиса.

Список источников

1. Арапов А.В. Идея «нового мирового порядка» в политической жизни 20 и 21 веков // Вестник филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Воронеже. 2012. № 8. С. 126-129. EDN: TRLXHH.
2. Martel W.C. Grand strategy in theory and practice: the need for an effective American foreign policy. New York: Military policy Publisher, Cambridge University Press Collection; 2015. 535 p. ISBN 13: 9781107082069. <https://doi.org/10.1017/CB09781139976848>.
3. Конькова Д.А. Трансформация идеологии республиканской партии под влиянием Д. Трампа. США и Канада: экономика, политика, культура. 2025. № 2 (662). С. 81–95. <https://doi.org/10.7868/S3034604525020064>. EDN: INOWIY.

¹ Россия и Индонезия заключили межведомственное соглашение о сотрудничестве в области высшего образования. Минобрнауки. 19.06.2025. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/97735/> (Дата обращения 01.04.2026)

4. Веденеев И.Н. Неоконсервативный поворот в современном мире (США, Россия, Турция) / В сборнике: Политические горизонты прошлого и современности: глобальное и региональное измерения. Материалы Всероссийской конференции. Тверь. 2025. С. 33-36. ISBN: 978-5-7609-1952-6. EDN: DYFKSH.
5. Бобров А.Н. Многополярность и технологические уклады: новая архитектура мирового порядка к 2040 году // Международная жизнь. 2026. № 1. С. 112–117. EDN: NSWXGK.
6. Деррида Ж. О граммотологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. – Москва: Ad Marginem, 2000. 512 с. ISBN: 5-93321-011-0
7. Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм. Пер. с фр. Д. Ольшанского // Космополис. 2004. № 2 (8). С. 125–140.
8. Гринин А.Л. Борьба за новый мировой порядок: технологическое измерение. статья первая. технологическое соперничество и гибридные войны // Век глобализации. 2024. № 1 (49). С. 72-94. <https://doi.org/10.30884/vglob/2024.01.06> EDN: RZCOLT
9. Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Контурь нового мирового порядка и БРИКС+. Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право 2024. Т. 17. № 5. С. 61-81. <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.05.04>. EDN: DQFUJQ.
10. Майорова М.А. Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 3. С. 69-83. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.03.04>. EDN: WKPFU.
11. Sushentsov A. Russia and the West's structural confrontation over the future world order. Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development. 2025;(29):36–45.
12. Nye J. S. Jr. What New World Order?. Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. N 2. P. 83-96. <https://doi.org/10.2307/20045126>. EDN: BKXFAF
13. Overholt W.H. China and America: A New Game in a New Era. PRISM. 2021. Vol. 9. № 2. P. 34-45.
14. Zarif M.J., Karimi S. Beyond Polarity: Power, Agency, and Order in the Contemporary Global System. Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development. 2026;(33):50–57.
15. Zwiers M. A Strongman Republic: Trumpism and the Cold War History of Race and Authoritarianism in U.S. Foreign Policy. Atlantisch Perspectief. 2024. Vol. 48. N 3. P. 10-14.
16. Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая / Под ред. К.В. Бабаева. – М.: ИККА РАН, 2025. 324 с. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.12.10.002>. ISBN: 978-5-8381-0501-1. EDN: IXUVPW.
17. Мокринских А.С., Шмакова Н.Н. Идеология Ирана после Исламской революции 1978 – 1979 гг. // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 1-2. С. 96–99. EDN: WYGCAZ.
18. Карпович О.Г. Роль России в отстаивании традиционных духовнонравственных ценностей в условиях современного мирового развития // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2 (12). С. 39-51. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-39-51](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51). EDN: MKEJ TZ.
19. Абрамова И.О. Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка // Азия и Африка сегодня. 2022. № 12. С. 5-15. <https://doi.org/10.31857/S032150750023555-2>. EDN: ILTEFE.
20. Груздев А.А., Конухова А.В., Подъяпольский С.А. Социокультурные образы "мягкой силы" Индии // Социодинамика. 2015. № 3. С. 27-49. <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2015.3.14547>. EDN: TKAGCR.
21. Mutalemwa G. The Me-First Syndrome and the New World (Dis)Order: The Metaphysics of Good Global Governance / Soziale Arbeit und die sozial-ökologische Transformation: Dimensionen, Perspektiven und Antworten – Leverkusen: Verlag Barbara Budrich 2025. P. 121-134. <https://doi.org/10.2307/jj.30152845.17>.
22. Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Либеральный образ жизни как политико-философская проблема: размышления над книгой: Lefebvre a liberalism as a way of life. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2024. 285 p. // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 4. С. 871-883. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-871-883>. EDN: FVGKDA.

23. Сухорукова О.А. Консерватизм или вопрос о национальной традиции // Вестник славянских культур. 2023. № 68. С. 68-80. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-68-80>. EDN: CFHTPI.

24. Акишин М.О. Демократический режим, экспорт и транзит демократии // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 10-27. EDN: DLNOHX.

25. Смирнов А.Н. Аксиология европейского консерватизма: между традицией и прогрессом // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 4 (75). С. 129-144. EDN: VBUZHP.

26. Симоненко О.А. Концепция «единой судьбы человечества» в период деглобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2024. № 2. С. 142-147. <https://doi.org/10.24412/2713-1742-2024-2-12>. EDN: ULPCBT.

27. Медушевский Н.А. Доктрина «духовных скреп» как основа интеграции российского общества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 2 (8). С. 123-131. EDN: ZFHSQD.

28. Василенко Е.В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 1 (5). С. 68-80. EDN: VQYHTR.

29. Barghoorn F.C. The Soviet cultural offensive the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy. – Princeton: Princeton University Press, 1960. 362 p.

30. Медушевский Н.А. Размышления о политике памяти. Б/М.: Издательские решения Ридеро. 2019. 146 с. ISBN: 978-5-4496-6726-7.

31. Грибовод Е.Г., Голоскоков В.А. Культурная дипломатия стран БРИКС в эпоху становления многополярного мира: теоретические рамки и практические аспекты // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 86-100. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_86. EDN: XTUDCQ.

32. Ле Гофф Ж. История и память. – М.: РОССПЭН, 2013. 303 с. ISBN: 978-5-8243-1774-9.

References

1. Arapov AV. The Idea of a "New World Order" in the Political Life of the 20th and 21st Centuries. *Bulletin of the Voronezh Branch of the All-Russian Correspondence Financial and Economic Institute*. 2012; (8):126-129. (In Russ.). EDN: TRLXHH.

2. Martel WC. *Grand strategy in theory and practice: the need for an effective American foreign policy*. New York: Military policy Publisher, Cambridge University Press Collection; 2015. 535 p. ISBN 13: 9781107082069. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139976848>.

3. Konkova D.A. Transformation of the Ideology of the Republican Party under the Influence of D. Trump. *USA and Canada: Economy, Politics, Culture*. 2025;2(662):81-95. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S3034604525020064>.

4. Vedeneyev IN. Neoconservative Turn in the Modern World (USA, Russia, Turkey). In: *Political Horizons of the Past and Present: Global and Regional Dimensions. Proceedings of the All-Russian Conference*. Tver. 2025:33-36. (In Russ.). ISBN: 978-5-7609-1952-6.

5. Bobrov AN. Multipolarity and Technological Patterns: New Architecture of the World Order by 2040. *International Affairs*. 2026;(1):112-117. (In Russ.). EDN: NSWXGK.

6. Derrida J. *On Grammatology*. Translated from French and introduced by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem; 2000. 512 p. (In Russ.). ISBN: 5-93321-011-0.

7. Derrida J. *Globalization. World. Cosmopolitanism*. Transl. from French by D. Olshansky. *Cosmopolis*. 2004;2(8):125-140. (In Russ.).

8. Grinin AL. The Struggle for a New World Order: The Technological Dimension. Article One. Technological Rivalry and Hybrid Wars. *The Age of Globalization*. 2024;1(49):72-94. (In Russ.). EDN: RZCOLT. <https://doi.org/10.30884/vglob/2024.01.06>.

9. Korotaev AV., Grinin LE., Grinin AL. Contours of the New World Order and BRICS+. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2024;17(5):61-81. (In Russ.). EDN: DQFUJQ. <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.05.04>.

10. Mayorova MA. Dichotomy of Regional and Global Leadership in Modern International Relations: The Case of Russia and Turkey. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2022;15(3):69–83. (In Russ.). EDN: WKPFLU. <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.03.04>.
11. Sushentsov A. Russia and the West's wtructural confrontation over the future world order. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. 2025;(29):36–45.
12. Nye JSJr. What New World Order? *Foreign Affairs*. 1992;71(2):83–96. <https://doi.org/10.2307/20045126>.
13. Overholt WH. China and America: A New Game in a New Era. *PRISM*. 2021;9(2):34–45.
14. Zarif MJ, Karimi S. Beyond Polarity: Power, Agency, and Order in the Contemporary Global System. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. 2026;(33):50–57.
15. Zwiers MA. Strongman Republic: Trumpism and the Cold War History of Race and Authoritarianism in U.S. Foreign Policy. *Atlantisch Perspectief*. 2024;48(3):10–14.
16. Babaev KV. (ed.). *Modern Ideology of the PRC. Xi Jinping's Ideas as the Basis of China's Policy*. Moscow: IKSA RAN; 2025. 324 p. (In Russ.). EDN: IXUVPW. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.12.10.002>.
17. Mokrinskikh AS., Shmakova NN. Ideology of Iran after the Islamic Revolution of 1978 – 1979. *New Science: Theoretical and Practical View*. 2016; 1-2: 96–99. (In Russ.). EDN: WYGCAZ.
18. Karpovich O.G. Russia's Role in Upholding Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Modern Global Development. *Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2024;2(12):39–51. (In Russ.). [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-39-51](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51).
19. Abramova I.O. Population of Africa in the Context of the Transformation of World Order. *Asia and Africa Today*. 2022;(12):5–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S032150750023555-2>.
20. Gruzdev A.A., Konukhova A.V., Pod'yapol'skiy S.A. Sociocultural Images of India's "Soft Power". *Sociodynamics*. 2015;(3):27–49. (In Russ.). EDN: TKAGCR. <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2015.3.14547>.
21. Mutalemwa G. *The Me-First Syndrome and the New World (Dis)Order: The Metaphysics of Good Global Governance. Soziale Arbeit und die sozial-ökologische Transformation: Dimensionen, Perspektiven und Antworten*. Leverkusen: Verlag Barbara Budrich. 2025. 121–134. <https://doi.org/10.2307/jj.30152845.17>.
22. Gutorov VA., Shirinyants AA. Liberal Way of Life as a Political and Philosophical Problem: Reflections on the Book: Lefebvre a Liberalism as a Way of Life. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2024. 285 p. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2024; 26(4):871–883. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-871-883>.
23. Sukhorukova OA. Conservatism or the Question of National Tradition. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2023;(68):68–80. (In Russ.). EDN: CFHTPI. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-68-80>.
24. Akishin MO. Democratic Regime, Export and Transit of Democracy. *Leningrad Law Journal*. 2019;1(55):10–27. (In Russ.). EDN: DLNOHX.
25. Smirnov AN. Axiology of European Conservatism: Between Tradition and Progress. *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2014;4(75):129–144. (In Russ.). EDN: VBUZHP.
26. Simonenko OA. The Concept of a "Single Destiny of Humanity" in the Period of Deglobalization. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. Series: Historical Sciences. Cultural Studies. Political Sciences*. 2024;(2):142–147. (In Russ.). EDN: RYGDJQ.
27. Medushevsky NA. The Doctrine of "Spiritual Bonds" as the Basis for the Integration of Russian Society. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies*. 2017;2(8):123–131. (In Russ.). EDN: ZFHSQD.
28. Vasilenko EV. Cultural Diplomacy as an Instrument of State "Soft Power". *Prospects. Electronic Journal*. 2016;1(5):68–80. (In Russ.). EDN: VQYHTR.
29. Barghoorn F.C. *The Soviet cultural offensive the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy*. Princeton: Princeton University Press; 1960. 362 p.

30. Medushevsky NA. *Reflections on the Politics of Memory*. Ridero Publishing Solutions; 2019. 146 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-4496-6726-7.

31. Gribov EG., Goloskokov VA. Cultural Diplomacy of the BRICS Countries in the Era of the Emergence of a Multipolar World: Theoretical Framework and Practical Aspects. *Discours-Pi*. 2025;22(4):86-100. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_86.

32. Le Goff J. *History and Memory*. Moscow: ROSSPEN; 2013. 303 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-8243-1774-9.

Информация об авторе

Н. А. Медушевский – доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки, Российский государственный гуманитарный университет; профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Information about the author

N.A. Medushevsky – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Department of Modern East and Africa, Russian State University for the Humanities; Professor, Department of Comparative Political Science, Peoples' Friendship University of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 13.08.2026.

The article was submitted 22.06.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 13.08.2026.